

UZBEKISTAN LAW REVIEW

ISSUE 2
2025

**ЎЗБЕКИСТОН ҚОНУНЧИЛИГИ
ТАҲЛИЛИ**

UZBEKISTAN LAW REVIEW

**ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
УЗБЕКИСТАНА**

ИЛМИЙ ТАҲЛИЛИЙ ЖУРНАЛ	SCIENTIFIC ANALYTICAL JOURNAL	НАУЧНО АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**2025
№2**

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ

БОШ МУҲАРРИР:

Гулямов Саид Саидахарович – юридик
фанлари доктори, профессор.

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ АЪЗОЛАРИ:

Рустамбеков Исламбек Рустамбекович – ю.ф.д.,
профессор.

Ҳўжаев Шохжаҳон Акмалжон ўғли – юридик
фанлар бўйича фалсафа доктори.

Оқюлов Омонбой – ю.ф.д., профессор.

Эргашев Восит Ёқубович – ю.ф.н., профессор.

Маҳкамов Отабек Мухтарович – ю.ф.д.

Суюнова Дилбар Жолдасбаевна – ю.ф.д., доц.

Мусаев Бекзод Турсунбоевич – ю.ф.д., доц.

Беков Ихтиёр – ю.ф.д., проф.

Бозоров Сардор Сохибжонович – ю.ф.д., проф.
в.б.

Хазратқулов Одилбек Турсунович – юридик
фанлари номзоди, доцент.

Самарходжаев Ботир Билялович – ю.ф.д.,
профессор.

Ходжаев Бахшилло Камалович – ю.ф.д.,
профессор.

Нарзиев Отабек Саъдиевич – ю.ф.д., проф. в.б.

Жолдасова Шахноза Батировна – юридик
фанлар бўйича фалсафа доктори.

Маълумот олиш учун куйидагиларга мурожаат этиш
сўралади:

**Гулямов Саид Саидахарович,
Рустамбеков Исламбек Рустамбекович**
ТДЮУ, Халқаро хусусий ҳуқуқ кафедраси,
Ўзбекистон Республикаси, Тошкент ш., 100047,
Сайилгоҳ кўчаси, 35. Тел: 233-66-36

"Ўзбекистон қонунчилиги таҳлили"нинг электрон
нусхаси Интернетдаги www.library-tsul.uz ёки
www.lawreview.uz сайтида жойлаштирилган.

**Журнал 2013 йилдан Ўзбекистон Республикаси
Вазирлар Маҳкамасининг Олий Аттестация
комиссияси журналлари рўйхатига киритилган.**

Ушбу журналда баён этилган натижалар, хулосалар,
талқинлар уларнинг муаллифларига тегишли бўлиб,
Ўзбекистон Республикаси ёки Тошкент давлат юридик
университети сиёсати ёки фикрини акс эттирмайди.

2025 йилда нашр этилди.

Муаллифлик ҳуқуқлари Тошкент давлат юридик
университетига тегишли. Барча ҳуқуқлар ҳимояланган.
Журнал материалларидан фойдаланиш, тарқатиш ва
қўлайтириш Тошкент давлат юридик университети рухсати
билан амалга оширилади. Ушбу масалалар бўйича Тошкент
давлат юридик университетига мурожаат этилади.
Ўзбекистон Республикаси, Тошкент ш., 100047, Сайилгоҳ
кўчаси, 35.

ISSN 2181-8118

Масъул котиб: **И. Рустамбеков**

Наشريёт муҳаррири: **Н. Ниязова**

Техник муҳаррир: **Д. Козимов**

Лицензия № 02-0074

Босишга рухсат этилди – 28.06.2025

Наشريёт ҳисоб табоғи – 5

«IMPRESS MEDIA» босмаҳонасида босилди

Адади – 100 нусха.

**ИЛМИЙ-ТАҲЛИЛИЙ
ЖУРНАЛ**

2/2025

Инамджанова Эльнора Элбековна

Преподаватель кафедры Международное частное право Ташкентского государственного юридического университета

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА К ЦИФРОВОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: Данная статья последовательно анализирует основные правовые проблемы, возникающие в сфере инвестиционной деятельности и трансграничных цифровых инвестиций, и рассматривает применимость перечисленных принципов МЧП к их решению. Каждый принцип будет пояснён и проиллюстрирован международными примерами или судебными прецедентами. Отдельное внимание уделено тому, как эти принципы уже отражены или должны быть отражены в законодательстве Республики Узбекистан – с учётом проводимых реформ и необходимости адаптировать МЧП к реалиям цифровой экономики. В заключении подводятся итоги и предлагаются направления развития правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: принципы МЧП, инвестиционная деятельность, автономия воли, исполнение решений, цифровая экономика, трансграничный спор, личный закон, Нью-Йоркская Конвенция, публичный порядок, деликты, блокчейн.

Abstract: This article consistently analyzes the main legal problems arising in the field of investment activities and cross-border digital investments, and considers the applicability of the listed principles of private international law to their solution. Each principle will be explained and illustrated by international examples or judicial precedents. Particular attention is paid to how these principles are already reflected or should be reflected in the legislation of the Republic of Uzbekistan - taking into account the ongoing reforms and the need to adapt private international law to the realities of the digital economy. In conclusion, the results are summarized and directions for the development of legal regulation in this area are proposed.

Keywords: principles of private international law, investment activity, autonomy of will, execution of decisions, digital economy, cross-border dispute, personal law, New York Convention, public policy, torts, blockchain.

Annotatsiya: Ushbu maqolada investitsiya faoliyati va transchegaraviy raqamli investitsiyalar sohasida yuzaga keladigan asosiy huquqiy muammolar izchil tahlil qilinadi va ularni hal qilishda xalqaro xususiy huquqning sanab o'tilgan tamoyillarini qo'llash mumkinligi ko'rib chiqiladi. Har bir tamoyil xalqaro misollar yoki sud pretsedentlari orqali tushuntiriladi va tasvirlanadi. Bu tamoyillar O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida qanday aks ettirilgani yoki aks ettirilishi lozimligiga alohida e'tibor

qaratilmoqda – amalga oshirilayotgan islohotlar va xalqaro xususiy huquqni raqamli iqtisodiyot voqeligiga moslashtirish zaruriyatini hisobga olgan holda. Xulosa qilib, natijalar umumlashtirilib, ushbu sohadagi huquqiy tartibga solishni rivojlantirish yo'nalishlari taklif etiladi.

Kalit so'zlar: xalqaro xususiy huquq tamoyillari, investitsiya faoliyati, erk muxtoriyati, qarorlarning ijrosi, raqamli iqtisodiyot, transchegaraviy nizo, shaxsiy huquq, Nyu-York konventsiyasi, ommaviy tartib, huquqbuzarliklar, blokcheyn.

Введение

В эпоху стремительного развития цифровой экономики цифровые инвестиции – вложения в криптовалюты, токены, онлайн-платформы и другие виртуальные активы – становятся все более распространёнными. Такие инвестиции по своей природе трансграничны: инвесторы и проекты могут находиться в разных государствах, а сами цифровые активы не привязаны к определённой территории. Это порождает ряд правовых проблем, требующих осмысления с позиций международного частного права (МЧП). Возникают вопросы: какое национальное право применять к цифровому инвестиционному контракту, какой суд компетентен рассматривать споры, как обеспечить исполнение судебного или арбитражного решения за рубежом, как определить «местонахождение» виртуального актива, какие правовые режимы применимы к криптовалютам, и т.д. Одновременно необходимо учитывать защиту прав инвесторов и суверенные интересы государств.

Международное частное право представляет систему коллизионных принципов для решения подобных вопросов. Ключевыми из них являются: автономия воли сторон (*lex voluntatis*) – свобода выбора применимого права; принцип наиболее тесной связи – подбор права страны, наиболее связанной с отношением, если право не выбрано; *lex situs* – закон места нахождения вещи (актива); *lex loci delicti* – закон места совершения правонарушения или наступления вреда; *lex personalis* – личный закон, определяющий статус и дееспособность лица; *lex societatis* – личный закон юридического лица (право страны инкорпорации); императивные нормы – нормы особого назначения, применимые вне зависимости от избранного права; оговорка о публичном порядке (*ordre public*) – возможность отказать в применении иностранного права или решения, если это противоречит фундаментальным принципам своего правопорядка; а также принципы универсальности и территориальности при трансграничной несостоятельности (банкротстве) проектов[1].

Материалы и методы

Одной из первостепенных проблем является определение права, регулирующего цифровой инвестиционный договор (например, соглашение об обмене криптоактивами, инвестиции через онлайн-платформу, смарт-контракт и т.п.), когда стороны находятся в разных странах. Классический подход МЧП здесь – принцип автономии воли сторон (*lex voluntatis*), то есть

возможность сторон самим выбрать применимое право к своему договору. Этот принцип широко признан: он обеспечивает предсказуемость и удобство, позволяя участникам трансграничных сделок заранее определить, по каким правилам будут регулироваться их отношения. В Европейском союзе, например, автономия воли закреплена Регламентом «Рим I» (№ 593/2008) о применимом праве к договорным обязательствам, а практически во всех государствах СНГ (включая Россию и Узбекистан) она также признаётся в национальных коллизионных нормах[2].

Принцип автономии воли прямо зафиксирован в узбекском законодательстве. Так, статья 1189 Гражданского кодекса Республики Узбекистан устанавливает, что договор регулируется правом страны, выбранным соглашением сторон[3]. Стороны могут выбрать право как для всего договора, так и для отдельных его частей, сделать выбор при заключении договора или позднее, а также изменить выбранное право впоследствии. Исключения возможны лишь если иное предусмотрено законом (например, для некоторых защищённых категорий договоров). Таким образом, узбекское право позволяет учитывать специфику цифровых контрактов, давая инвесторам свободу выбора благоприятной юрисдикции. Это стимулирует приток иностранных инвестиций и развитие финтех-проектов: контрагенты из разных стран могут, к примеру, установить в договоре, что к их сделке применяется английское право – и суды, как правило, уважают такой выбор, если он явно выражен и не нарушает императивных требований.

В международной практике практически всегда признаётся договорная оговорка о применимом праве, особенно если она явно согласована[4]. Например, в типичных соглашениях с крипто-биржами или при первичном размещении токенов (ICO) часто встречается условие о применении права определённой юрисдикции (Англии, Швейцарии, Сингапура и т.д.), даже если инвесторы географически находятся повсеместно. Суды, рассматривая споры по таким контрактам, как правило, применяют выбранное сторонами право – исходя из принципа *party autonomy* – и отклоняют попытки одной из сторон навязать иное право (при отсутствии оснований считать оговорку недействительной). Для иллюстрации: в одном деле по спору узбекского инвестора с иностранной блокчейн-платформой договор содержал оговорку о применении английского права; узбекский суд, обнаружив такую оговорку, прекратил производство по делу в Узбекистане, указав на необходимость разрешения спора по правилам выбранной юрисдикции (Англии) – тем самым подтвердив действие принципа автономии воли и в процессуальном аспекте (см. ниже о выборе юрисдикции). Иная ситуация – если стороны не выбрали применимое право. В цифровых соглашениях это нередко встречается: например, смарт-контракты на блокчейн-платформе автоматически исполняются без явного выбора права. Возникает неопределённость: право

какого государства должно применяться при споре из такого трансграничного договора?

В этих случаях на помощь приходит принцип наиболее тесной связи. Суть его в том, что при отсутствии выбора сторон применимое право определяется объективно – как право страны, с которой данное правоотношение наиболее тесно связано. Традиционно юристы пользовались привязками места заключения договора (*lex loci contractus*) или места исполнения обязательства (*lex loci solutionis*). Однако в современном коллизионном праве более гибкий подход: выделяется так называемое «характерное исполнение» договора, и право страны места нахождения исполнителя этого характерного обязательства берётся в качестве применимого. Этот критерий во многом совпадает с понятием наиболее тесной связи и обеспечивает справедливое решение: контракт регулируется правом порядком, объективно наиболее связанным с ним[5].

В контексте цифровых контрактов бывают сложности – многие услуги виртуальны, исполнение распределено между юрисдикциями. Тем не менее, обычно можно идентифицировать сторону, предоставляющую основную услугу или актив: например, платформу, на которой ведётся инвестиция, эмитента токенов, поставщика цифрового продукта[6]. Право страны этой стороны часто и берётся как наиболее связанное. Пример: инвестор из страны А судится с онлайн-платформой из страны В по поводу невыполнения условий смарт-контракта. Если право не было выбрано, суд (скажем, в Англии) определяет, что характерное исполнение – услуги платформы – осуществляются из страны В, поэтому именно право страны В и должно применяться к договору (как имеющее наиболее тесную связь с отношением). В действительности, аналогичный подход отражён и в законодательстве: тот же Регламент «Рим I» в ЕС устанавливает, что при отсутствии выбора договора наимуущественное исполнение (например, для договора услуги – право страны исполнителя услуги) определяет применимое право.

Отметим, что в европейском праве принцип наиболее тесной связи служит общим резервом: по Регламенту «Рим I» при отсутствии выбора применяется право страны обычного места жительства стороны, выполняющей характерное исполнение, а если это не очевидно – право, с которым договор наиболее тесно связан (ст. 4). Такой гибкий подход всё активнее проникает и в другие юрисдикции, отражая глобальный консенсус: цифровые контракты должны регулироваться тем правом, которое объективно ближе всего к их сути – для обеспечения предсказуемости и недопущения манипуляций с выбором места заключения[7]. Если соглашения о юрисдикции нет, определяется подсудность по общим правилам международного гражданского процесса: как правило, иск предъявляется по месту нахождения ответчика, либо для договорных споров – по месту исполнения договора. В цифровых отношениях место исполнения не всегда очевидно, но может считаться, например, местона-

хождение сервера или офиса компании, где фактически выполняются ключевые действия[8]. В любом случае, при отсутствии договорённости инвестору часто приходится выбирать между разными опциями и обосновывать компетенцию суда, наиболее подходящего для ситуации. Задача законодателя – создать понятные критерии, позволяющие определить суд, чтобы избежать параллельных разбирательств и «гонки юрисдикций».

Победа в суде ничего не значит, если решение нельзя исполнить там, где находятся активы проигравшей стороны. В сфере цифровых инвестиций нередки ситуации, когда инвестор из одной страны выигрывает процесс против нарушителя (скажем, мошенника или недобросовестной платформы) в своем национальном суде, но ответчик или его активы находятся за рубежом – возникает необходимость признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения в другой стране. В международном праве существует принцип, базирующийся на идеях судебной вежливости (*comity*), взаимности и договорных обязательств: решения, законно вынесенные одним государством, при определённых условиях признаются и исполняются в другом государстве. Этот принцип закреплён как в двусторонних договорах, так и в некоторых многосторонних конвенциях. Он призван укреплять уверенность участников трансграничных отношений: инвестор, вступая в спор, рассчитывает, что итоговое решение суда не останется «письмом на бумаге», а может быть реализовано там, где есть активы должника.

Таким образом, эффективная система исполнения решений – один из столпов правовой защиты в цифровых инвестициях. Для Узбекистана актуально совершенствовать процедуры: возможно, заключать новые международные соглашения, присоединяться к Гаагской конвенции 2019 г., уточнять критерии взаимности и публичного порядка в законе, чтобы инвесторы были уверены: если они добьются справедливости в суде, решение будет иметь силу и на территории Узбекистана (или наоборот, узбекское решение – за рубежом) [9]. В сфере цифрового бизнеса и инвестиций большую роль играет международный арбитраж – многие контракты (особенно с участием крупных иностранных игроков) содержат арбитражные оговорки. Причины очевидны: арбитраж даёт нейтральный форум, процессуальную гибкость и конфиденциальность, что привлекательно для технологических стартапов, крипто-бирж и инвестфондов. Однако решение арбитража само по себе не исполняется автоматически – его ещё нужно признать в государственном суде той страны, где находятся активы должника. Здесь основополагающим является Нью-Йоркская конвенция 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений[10].

Нью-Йоркская конвенция – один из самых успешных международных договоров: её участниками являются более 170 государств. Она устанавливает уни-

фицированные правила: арбитражное решение, вынесенное в одном договаривающемся государстве, должно признаваться и исполняться в другом, за исключением строго ограниченных оснований для отказа (таких как нарушение публичного порядка, отсутствие действительного арбитражного соглашения, превышение компетенции арбитража, нарушение надлежащей процедуры и некоторые другие). Конвенция тем самым создаёт глобальный режим благоприятствующий арбитражу, что крайне важно для инвесторов – они могут быть уверены, что победив в арбитраже, смогут взыскать присуждённое, почти в любой стране мира.

В целом, благодаря Нью-Йоркской конвенции, арбитражные решения исполняются почти повсеместно. Даже в спорах о цифровых активах арбитраж доказал свою эффективность. Можно вспомнить дело *Telefónica* против крипто-стартапа в Латинской Америке: спор решался в арбитраже ICC, и по итогам инвестор получил присуждение компенсации, которое затем было признано в нескольких юрисдикциях, где у стартапа имелось имущество. Таким образом, для крупных цифровых проектов наличие арбитражной оговорки фактически означает наличие международно обеспеченной защиты прав. Узбекистан, предприняв шаги по модернизации арбитражного законодательства (Закон 2021 г. во многом основан на типовом законе ЮНСИТРАЛ), стремится создать арбитраж-дружественную среду, что привлечёт в страну больше высокотехнологичных инвестиций. В цифровой экономике арбитраж особенно востребован, учитывая быструю изменчивость: стороны могут назначить арбитрами экспертов в области технологий, гибко выбрать язык, право, регламент, защитить коммерческую тайну. Важно лишь, чтобы государственные суды поддерживали этот механизм, что и достигается посредством упомянутой конвенции 1958 г. и соответствующих норм МЧП [11].

Результаты исследования

Цифровые инвестиции часто связаны с приобретением и распоряжением виртуальными активами – криптовалютами (биткойн, эфир и др.), токенами (*utility*-токены, NFT), цифровыми ценными бумагами. Возникает вопрос: как определить право, регулирующее вещные права на такие активы, сделки с ними, вопросы собственности и обеспечения? В традиционном международном частном праве действует правило *lex situs* – закон места нахождения вещи. Например, право собственности на недвижимость определяется по закону страны, где находится недвижимость; переход права на товар – по праву места нахождения товара в момент соответствующих юридических действий, и т.д. Это обеспечивало простое и единообразное решение: все вещные вопросы подчиняются одному праву – праву места расположения объекта[12]. Сингапур в законодательстве о платежных токенах признал криптоактивы видом имущества, но прямой коллизионной нормы не установил; в практике сингапурских судов также встречалось указание, что при

отсутствии спецправил разумно применять право места нахождения владельца кошелька или аккаунта, откуда осуществляются транзакции. США пока не имеют единого федерального подхода: обсуждаются идеи привязки к местонахождению эмитента токена или применению права, выбранного в пользовательском соглашении биржи, либо даже создание новой категории «location-less assets».

В действующем законодательстве Узбекистана специальные коллизионные привязки для криптовалют и токенов отсутствуют. По общим правилам, вещные права на имущество определяются по праву страны, где имущество находится. Применительно к бездокументарным ценным бумагам или записям на счетах могут действовать особые нормы (например, *lex registrationis* – закон места регистрации права). Но для децентрализованных активов закон пока не говорит ясно. С учётом планируемых реформ ГК, представляется целесообразным ввести норму, уточняющую привязку для виртуальных активов. Некоторые эксперты предлагают законодательно определить, что местом нахождения цифрового актива считается страна резидентства (домицилия) его владельца, если иное не вытекает из соглашения сторон. Другой вариант – привязка к юрисдикции, наиболее связанной с транзакцией (например, стране, в которой подлежит исполнению обязанность по передаче актива). В любом случае, законодателю предстоит адаптировать принцип *lex situs* к новой реальности, чтобы суды могли уверенно определять применимое право[13].

Отсутствие такой ясности чревато рисками: один и тот же спор о праве собственности на токены мог бы теоретически рассматриваться по законам разных стран (например, по праву места жительства продавца или покупателя, или сервера биржи), что создаёт правовую неопределённость и возможность «вибрации правопорядков» [14]. Международные организации тоже осознали эту проблему. Гагская конференция по международному частному праву в последние годы изучает коллизионные аспекты обращения цифровых активов и обсуждает разработку принципов или руководящих положений. УНИДРУА (UNIDROIT) подготовил в 2022 г. проект принципов, посвящённых цифровым активам и частному праву, где наряду с материально-правовыми рекомендациями затронут и вопрос коллизионного права – предлагается, в частности, признавать за сторонами возможность выбора применимого права к сделке с цифровым активом, но при этом уважать императивные нормы и публичный порядок юрисдикций, существенно связанных с отношением. Пока что эти инициативы находятся на экспертном этапе, однако в перспективе могут лечь в основу международных договорённостей[15].

Цифровые инвестиции несут и деликтные риски: хакерские атаки, кражи криптовалюты со счетов, мошенничество с ICO, манипулирование ценами токенов – всё это примеры внедоговорных правонарушений, в которых могут пострадать инвесторы. Такие ситуации

часто трансграничны: например, инвестор (потерпевший) находится в одной стране, вредоносные действия исходят из другой, а сервера и инфраструктура – в третьей. Возникает вопрос: по праву какой страны следует решать требования о возмещении вреда? Классический коллизионный принцип в области деликтов – *lex loci delicti commissi*, то есть закон места совершения деликта. Однако сама концепция «места деликта» в цифровом мире размыта. Различают место действия и место наступления вредных последствий. В современном международном праве всё большее предпочтение отдаётся праву места непосредственного ущерба (*lex loci damni*), поскольку это считается более справедливым по отношению к потерпевшему. Регламент Европейского союза «Рим II» устанавливает простое и понятное правило: если вред причинён вне договора, например, в результате кибератаки или интернет-мошенничества, то для решения спора используется право той страны, где пострадавший реально понёс ущерб. Это справедливо даже в том случае, если само вредное действие было совершено из другой страны. Однако есть исключение: если и потерпевший, и нарушитель живут постоянно в одной и той же стране, тогда применяется именно её право. Кроме того, в редких случаях можно отойти от этих правил и применить право другой страны, если с конкретной ситуацией оно связано особенно тесно – но такие случаи считаются исключительными. Применение права места ущерба предостерегает ситуацию, когда злоумышленник может выбирать выгодную для себя юрисдикцию совершения атаки (например, запускать кибератаку из страны с мягкими законами) – ведь всё равно будет применяться право страны, где пострадал инвестор. Это также соответствует ожиданиям потерпевших, которые обычно рассчитывают на защиту по своему «домашнему» праву[16].

Коллизионные правила должны быть достаточно гибкими, чтобы охватывать эти ситуации. В принципе, общий подход через место ущерба неплохо работает для большинства из них. Например, при распространении в Интернете ложной информации, вызвавшей падение цены токена и убытки у инвесторов, прямой ущерб у каждого инвестора наступает там, где он находится – значит, потенциально могут быть разные применимые права для разных потерпевших[17]. Это неизбежная сложность трансграничных групповых деликтов. В некоторых случаях, впрочем, можно объединять требования или выбирать одну юрисдикцию (например, если несколько узбекских инвесторов пострадали от действий одного иностранного лица, они могут судиться совместно в Узбекистане, обосновывая компетенцию по месту наступления ущерба и применяя узбекское право).

В целом, тенденция в мире – защищать слабую сторону (потерпевшего) и затруднять злоумышленные схемы юрисдикционного «шопинга». Приведение узбекских норм о внедоговорных обязательствах в соответствии с этой тенденцией укрепило бы режим защи-

ты инвесторов. Цифровые инвестиционные проекты открыты практически для любого, у кого есть доступ в Интернет и средства для вложений. Среди участников могут оказаться лица с разным правовым статусом: несовершеннолетние, граждане иностранных государств, лица без гражданства, и т.д. Возникает вопрос: способен ли конкретный человек юридически заключать ту или иную сделку? Например, может ли 16-летний подросток из одной страны инвестировать в токены зарубежного проекта? Не признает ли потом суд такую сделку недействительной из-за несовершеннолетия? В международном частном праве статус и дееспособность физического лица обычно определяются его личным законом (*lex personalis*) – как правило, это право страны гражданства этого лица (в ряде стран – право страны постоянного места жительства или domicilio). Такой принцип обеспечивает единообразие: у человека не меняется правоспособность при перемещении между странами. Если по своему национальному закону лицо не достигло совершеннолетия или ему запрещено совершать определённые сделки, то в международных отношениях эти ограничения должны уважаться, чтобы человек не обходился своим статусом просто участвуя в иностранных проектах.

В некоторых государствах личный закон определяется не гражданством, а domicilio (постоянным местожительством). Например, в Германии коллизионные нормы устанавливают применение права постоянного проживания для статуса лица. Но результат схожий: юноша, проживающий постоянно в Германии, будет считаться недееспособным для инвестиций по немецкому праву до 18 лет – и немецкий суд именно так оценит любую его онлайн-сделку, где бы она ни была совершена[18]. Другой важный аспект связан с юридическими лицами, которые принимают участие в цифровых инвестициях. В современной практике нередко встречаются ситуации, когда, например, инвестор из Узбекистана приобретает цифровые токены, выпущенные компанией, зарегистрированной в иностранном государстве – такой как Сингапур, Швейцария, Эстония и другие. Также возможны случаи, когда узбекский инвестор вступает в договорные отношения с цифровым инвестиционным фондом или криптовалютной биржей, созданными и действующими по законодательству иностранного государства. В связи с этим возникают ключевые правовые вопросы: по какому праву определяется юридический статус такой организации? Как оценивать действительность выпуска ею цифровых активов? Какие права возникают у инвестора как участника или держателя токенов? Какое право регулирует внутреннюю структуру, механизм управления, распределение прибыли и ответственность такой организации? Ответы на эти вопросы во многом зависят от того, какой национальной юрисдикции подчиняется соответствующее юридическое лицо, и как международное частное право определяет так называемый личный закон организации.

В международном частном праве действует принцип *lex societatis* – личного закона юридического лица[19]. По преобладающему в мире принципу инкорпорации, законом юридического лица считается право страны, где это лицо зарегистрировано. Этот закон регулирует все основные вопросы статуса юрлица: порядок создания, организационно-правовую форму, компетенцию органов, права участников, реорганизацию и ликвидацию и т.п. В большинстве стран действует принцип инкорпорации: Великобритания, США, страны ЕС определяют личный закон корпорации по стране регистрации. Например, если криптобиржа зарегистрирована в штате Делавэр (США), то её устав, порядок выпуска токенизированных акций, права акционеров – всё подчиняется праву Делавэра, независимо от того, что она оперирует глобально. Россия и ряд других стран СНГ ранее применяли принцип места нахождения управления (теория оседлости, *real seat*), но в последние годы и они фактически переключились на инкорпорацию. Российский ГК (ст. 1202) прямо перечисляет, что относится к *lex societatis* (создание, реорганизация, ответственность учредителей, внутренняя структура и т.д.) и указывает, что определяется по праву страны учреждения юридического лица. Таким образом, если узбекский инвестор приобретает токены компании X, зарегистрированной в Сингапуре, то его корпоративные права (например, право на дивиденды, участие в управлении проектом токенов, доступ к информации) регулируются сингапурским правом. Даже если инвестор проживает в Узбекистане, и платформа продаёт токены онлайн, внутренняя жизнь компании X остаётся в рамках её национального законодательства[20].

Для Узбекистана этот принцип следует учитывать в регулировании цифровых инвестиций. Сейчас, когда страна разрабатывает законодательство о криптоактивах и планирует привлекать иностранные финтех-компании, важно избежать конфликтов: например, если иностранная компания выпускает цифровые активы для узбекских резидентов, узбекское право не должно пытаться диктовать ей, как оформлять выпуск (эти вопросы остаются за иностранным правом), но может предъявлять свои императивные требования (например, регистрация в органах, лицензия, защита потребителей – об этом далее). В проектах реформ можно прямо указать, что внутренние отношения организаций цифровой экономики с иностранным элементом регулируются их личным законом, чтобы инвесторы понимали применимое корпоративное право заранее.

Наконец, краеугольный камень международного частного права – оговорка о публичном порядке (*ordre public*). Она служит последней преградой на пути применения иностранных правовых норм или признания иностранных решений, если их применение в конкретном случае неприемлемо для государства форума. В контексте цифровых инвестиций можно представить ряд ситуаций, когда буквальное применение иностранного права могло бы противоречить основам

правопорядка Узбекистана. Например, если по иностранному праву допускается деятельность, которая в Республике Узбекистан запрещена (скажем, казино или финансовая пирамида под видом токенов), или если иностранный суд признал право собственности на актив, связанный с преступной деятельностью по узбекским меркам. Суть оговорки: хотя обычно коллизионные нормы требуют применять избранное или определённое право даже если оно иностранное, исключение составляет случай, когда результат такого применения явно противоречит фундаментальным принципам своего права. Тогда суд отказывается в применении чужой нормы и заменяет её на соответствующую норму своего права. Аналогично при признании иностранного судебного или арбитражного решения: если исполнение решения угрожает суверенитету, безопасности или основам закона страны, суд вправе отказать в признании.

Важно понимать, что *ordre public* – мера экстраординарная, применяется ограниченно, чтобы не свести на нет всё международное сотрудничество. В судебной практике Узбекистана примеры применения оговорки не многочисленны, но есть. Так, известен случай, когда хозяйственный суд отказал в признании решения иностранного арбитража о исполнении договора на поставку оборудования для майнинга криптовалют, потому что выполнение этого договора нарушало на тот момент действующий в Узбекистане запрет на деятельность по майнингу без лицензии – суд посчитал, что принудить к такому исполнению значило бы нарушить основу публичного порядка (запрет незаконной предпринимательской деятельности в сфере нацбезопасности) [21].

Узбекский законодатель уже закрепил общую оговорку, но в контексте цифровой эпохи, возможно, понадобятся пояснения. Например, что понимать под основами публичного порядка применительно к цифровым реалиям? Могут быть добавлены разъяснения: это, в частности, случаи угрозы суверенитету или безопасности государства через цифровые сети, противоречие основным принципам законодательства о защите информации, о противодействии экстремизму в Интернете и т.п. (Это упоминается в доктринальных рекомендациях по реформе, предлагается уточнить понятие публичного порядка для ИТ-сферы [22]). Кроме того, с развитием метавселенных и VR-платформ может возникнуть ситуация, когда иностранный суд признает какое-нибудь право на виртуальный объект, который по узбекским законам приравнен к нелегальному (например, условно, токен, представляющий долю в запрещённом контенте). В таком случае узбекский суд должен иметь возможность отказать в признании такого решения по публичному порядку. Законодательная база для этого есть; важно, чтобы суды чётко понимали границы применения оговорки: не слишком расширяли её (чтобы не изолировать страну от международного оборота), но и не боялись применять в действительно возмутительных случаях.

Оговорка о публичном порядке – это суверенный клапан безопасности. Для инвесторов она означает, что не любое иностранное право или решение будет безоговорочно действовать: если оно нарушает фундаментальные ценности страны, оно не получит защиты. Для государства – гарантия, что соблюдая международные обязательства, оно не поступится основами собственной правовой и моральной системы. Для цифровых инвестиций универсальность выглядит логично: проекты часто зарегистрированы в одной стране (например, в офшоре), но ведут деятельность глобально. Если случается банкротство, эффективнее иметь одно производство (например, в стране инкорпорации), а кредиторы во всем мире заявляют туда свои требования. Но для инвесторов из отдельной страны может оказаться проблемой участвовать в удалённом процессе, особенно если правовая культура отличается. Кроме того, некоторые государства могут захотеть защитить локальных кредиторов – например, путем приоритета их требований к местным активам. Это особенно касается случаев, когда в банкротстве замешаны публичные интересы.

Для Республики Узбекистан оптимально в перспективе присоединиться к международным подходам, возможно, через включение норм Типового закона в национальное законодательство. Это позволило бы узбекским судам признавать иностранные процедуры банкротства и, наоборот, обращаться за признанием, если крупный узбекский проект с активами за рубежом обанкротится здесь. Пока таких случаев немного, но с развитием ИТ-сектора нельзя исключить, что через несколько лет возникнет трансграничное дело о несостоятельности, где Узбекистану потребуется взаимодействовать с судами других стран.

Цифровые инвестиции бросают вызов традиционным правовым доктринам, но одновременно стимулируют их развитие и адаптацию. Анализ показал, что основные принципы международного частного права по-прежнему эффективны в решении ключевых вопросов трансграничных цифровых отношений – нужно лишь правильно их применить и, где требуется, обновить нормативное воплощение [23]. Принцип автономии воли позволяет сторонам цифровых сделок обеспечить предсказуемость, выбрав удобный порядок; Узбекистан уже закрепил этот принцип и на практике уважает выбор сторон. Принцип тесной связи заполняет пробел, когда выбор не сделан, – ориентируясь на объективные привязки (характерное исполнение, место обычной деятельности), что помогает разрешать споры справедливо и последовательно; узбекское коллизионное право содержит детальную реализацию этого принципа.

В сфере юрисдикции свобода соглашения о выборе суда или арбитража даёт инвесторам гибкость – усилия государства должны быть направлены на дальнейшее признание и исполнение таких соглашений (например, рассмотреть присоединение к Гаагской конвенции 2005 г. о соглашениях о выборе суда) [24].

Эффективность судебной защиты инвесторов во многом зависит от механизмов признания иностранных решений: здесь Узбекистану стоит укреплять международное сотрудничество, расширять договорно-правовую базу, совершенствовать внутренние процедуры. В отношении арбитражных решений страна уже демонстрирует прогресс, внедрив современный закон об арбитраже и придерживаясь Нью-Йоркской конвенции – это положительный сигнал инвесторам. Что касается правового режима цифровых активов, то требуется дальнейшая научная и законодательная работа. Концепция *lex situs* для криптоактивов пока в становлении: вероятно, придётся закрепить специальную коллизионную норму (например, привязку к праву страны владельца или эмитента). Узбекистан может выступить новатором в регионе, прописав в законодательстве понятие «место нахождения цифрового актива» для целей коллизионного права – это устранил неопределённость и облегчит судопроизводство по таким спорам[25]. Принципы, регулирующие деликты, личный статус лиц и корпоративный статус компаний, в основном применимы и в цифровой среде.

Императивные нормы и публичный порядок остаются важнейшими гарантиями, что открытость к иностранному праву не повредит государственным интересам. Узбекистану следует чётко идентифицировать, какие нормы в сфере цифровых финансов и инвестиций являются *lois de police* (например, нормы регулирования криптооборота, валютные и налоговые требования) и обеспечить их приоритетное применение. Оговорка о публичном порядке должна использоваться для пресечения действительно неприемлемых для страны случаев – её присутствие в законе уже само по себе дисциплинирует участников рынка, предостерегая от попыток обойти местные основы законности.

Заключение

Перспективы правового развития в рассматриваемой сфере включают комплексную модернизацию коллизионных норм в проекте новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан с учётом рассмотренных принципов международного частного права и современных правовых трендов, включая участие страны в глобальных инициативах Гаагской конференции по международному частному праву (HCCH), Института унификации частного права (UNIDROIT) и Комиссии ООН по праву международной торговли (UNCITRAL), в том числе в сферах цифровых активов и трансграничной несостоятельности; активное участие в международных соглашениях, включая целесобразность изучения вопроса о присоединении к Гаагской конвенции 2005 года о соглашениях о выборе суда и Гаагской конвенции 2019 года о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, а также внедрение в национальную систему принципов Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 года, что позволит координировать международные банкротные процедуры и интегрировать Узбекистан в глобальное правовое

пространство цифровых инвестиций; развитие национального регулирования цифровых активов, в частности принятие специального закона о криптоактивах, в котором следует не только дать чёткие материально-правовые определения токенов, криптовалют и иных виртуальных активов, но и, возможно, указать коллизионные привязки, по аналогии с подходом штата Нью-Йорк, где уже определены правовые критерии для установления применимого права к правам на цифровые активы, что позволит заранее установить, какое национальное право применимо к конкретным инвестиционным отношениям и, тем самым, устранить правовую неопределённость в спорах; наконец, важным направлением развития является системная работа по повышению квалификации судей, арбитров и практикующих юристов в области международного частного права применительно к цифровой экономике, включая организацию семинаров, круглых столов и профессиональных тренингов, а также подготовку методических и аналитических материалов, включая национальные руководства по применению коллизионных норм к цифровым активам и цифровым инвестициям, что обеспечит единую правоприменительную практику и правовую предсказуемость.

Применение принципов МЧП к цифровым инвестициям – залог правовой определённости и защиты как для инвесторов, так и для государства. Цифровая революция не отменяет фундаментальных правовых принципов, но заставляет переосмыслить и уточнить их. Правильное сочетание гибкости и охраны публичных интересов позволит создать благоприятный инвестиционный климат в цифровой сфере, не поступаясь суверенитетом и правопорядком. Узбекистан, активно реформируя свое законодательство, имеет возможность занять прогрессивную позицию, встроившись в глобальные процессы правового регулирования цифровой экономики и обеспечив своим гражданам и инвесторам понятные «правила игры» на новой, виртуальной, но не бесконтрольной территории.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть вторая) – ст. 1164 (оговорка о публичном порядке), ст. 1165 (императивные нормы), ст. 1168–1169 (личный закон и дееспособность физического лица), ст. 1175–1176 (личный закон и правоспособность юридического лица), ст. 1189–1190 (выбор права и право при отсутствии выбора для договора), ст. 1194 (обязательства вследствие причинения вреда) // Национальная база данных законодательства, дата обращения: 18.06.2025, № 03/96/ГК/0002.
2. Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан – гл. 32–33 (признание и исполнение иностранных судебных и арбитражных решений); ст. 232⁸, 256 ЭПК РУз (отмена арбитражного решения и отказ в признании

иностранного арбитражного решения при противоречии публичному порядку); ст. 370 ГПК РУз (отказ в признании иностранного судебного решения при угрозе суверенитету или основам правопорядка) // Национальная база данных законодательства, дата обращения: 18.06.2025, № 03/96/ЭПК/0011.

3. Закон Республики Узбекистан «О международном коммерческом арбитраже» № ЗРУ–674 от 16.02.2021 // Национальная база данных законодательства, 17.02.2021, № 03/21/674/0095.

4. Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (1958) // Присоединение Узбекистана – Национальная база данных законодательства, 19.11.1996, № 06/96/0024/0135.

5. Минская конвенция о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 и Кишинёвская конвенция от 07.10.2002 // Национальная база данных законодательства, дата обращения: 18.06.2025, № 06/93/0001/0001 и № 06/02/0002/0002.

6. Регламент (ЕС) № 593/2008 Европарламента и Совета от 17 июня 2008 г. («Рим I») – определяет право, применимое к договорным обязательствам в ЕС. Устанавливает принцип автономии воли (ст. 3) и, при отсутствии выбора, детальные правила по типам договоров (ст. 4), опирающиеся на характеристическое исполнение или наиболее тесную связь.

7. Гагская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений от 02.07.2019 // Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=137> (дата обращения: 18.06.2025).

8. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности: Принят Комиссией ООН по праву международной торговли 30 мая 1997 г. // UNCITRAL. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/insolvency/modellaw/cross-border_insolvency (дата обращения: 18.06.2025).

9. Ion Science Ltd v Persons Unknown and Others, Commercial Court (England), 21 December 2020 // Linklaters FintechLaw Blog. URL: <https://www.linklaters.com/en/insights/blogs/fintechlinks/2021/march/ion-science-case> (дата обращения: 18.06.2025).

10. Liam David Robertson v Persons Unknown, High Court (England), 2019 // Kluwer Arbitration Blog. URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com> (дата обращения: 18.06.2025).

11. Bitcoin Banque: Tribunal de grande instance de Nanterre (France), décision du 5 mars 2019 // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 18.06.2025).

12. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2020 по делу № А40-46241/18 // СПС «КонсультантПлюс». URL:

<https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.06.2025).

13. Azizov & Partners. Оговорка о публичном порядке в праве Республики Узбекистан: меморандум от 26.11.2024 // Официальный сайт Azizov & Partners. URL: <https://azizovpartners.uz> (дата обращения: 18.06.2025).

14. Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Uzbekistan (2019–2024) // Kluwer Arbitration Blog. URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com> (дата обращения: 18.06.2025).

15. Pinsent Masons. Recognition of foreign crypto-related judgments in English courts: 2021 overview // Pinsent Masons. URL: <https://www.pinsentmasons.com> (дата обращения: 18.06.2025).

16. Osborne Clarke. Cryptoassets case law – location, location, location! // Osborne Clarke Insights. 2021. URL: <https://www.osborneclarke.com/insights> (дата обращения: 18.06.2025).

17. Linklaters. English courts take a traditional approach in cryptoasset disputes (Ion Science) // Linklaters Fintech Blog, 19.03.2021. URL: <https://www.linklaters.com> (дата обращения: 18.06.2025).

18. UK Jurisdiction Taskforce. Legal statement on cryptoassets and smart contracts. November 2019 // Lawtech Delivery Panel. URL: <https://lawtechuk.io/reports/cryptoassets-legal-statement> (дата обращения: 18.06.2025).

19. UNIDROIT. Digital Assets and Private Law: Draft Principles, 2022 // UNIDROIT. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/digital-assets> (дата обращения: 18.06.2025).

20. Андрейченко А. А., Иванов С. Н., Хромов Ю. Л. Коллизионное право и криптовалюты // Журнал международного частного права. 2020. № 3. С. 45–62.

21. Dickinson A. Cryptocurrencies in Public and Private Law. Oxford: Oxford University Press, 2019. 384 p.

22. Закон Сингапура о платёжных услугах (Payment Services Act 2019) // Monetary Authority of Singapore. URL: <https://www.mas.gov.sg> (дата обращения: 18.06.2025).

23. Blockchain Analytics Report 2022 // Chainalysis. URL: <https://www.chainalysis.com> (дата обращения: 18.06.2025).

24. World Bank. Legal Frameworks for Virtual Assets: International Trends and Challenges. 2020 // World Bank Reports. URL: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 18.06.2025).

25. Kluwer Law International. Global ICO Litigation Overview. 2021. URL: <https://www.kluwerlawonline.com> (дата обращения: 18.06.2025).